

Сияй, сияй, прощальный свет...

«Моск. правда», — 1994. — 21 янв. — С. 4.

24 января в Центральном Доме актера состоится вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Бориса Андреевича Бабочкина.

На сцене выдающегося актера нашего времени Бабочкина я не видела, не привелось. Жаль, конечно, хотя бы потому, что, по свидетельству известного критика, поставив в Малом пьесы Горького «Дачники», «Достигаев и другие», «Фальшивую монету», Борис Бабочкин внес в давнее многозвучное искусство прославленного театра «нервные и прерывистые ритмы, тревожную, беглую пульсацию жизни, застигнутой драмой, психологизм утонченный, изощренный, язвительную иронию - и все это в формах внешне суховатых, строгих, обладающих и законченностью, и несомненным изяществом».

Что Чапаева играет артист, а именно Бабочкин, мне по малости лет да и позже не верилось, казалось, что это документальные съемки времен гражданской войны. Хотя современные исследователи находят, что, чтобы очеловечить идею революции, революционное кино прибегло к фольклорному маскараду, дав образы Максима и Чапаева. Мне же памятливые самые ранние впечатления подлинности на-

туры кинообраза Чапаева, его здравый народный смысл, его непоказная смелость и жизненная укорененность, его замечательно образная, пронизанная юмором речь и сумрачная решимость, с какой вывел Василий Иванович песню про черного ворона. И посему никакие поздние рациональные переоценки первого, сердечного, приятия этого героя потеснить в моей душе не в силах.

А вот телеработы Бабочкина середины 70-х годов (к слову сказать, блистательного периода отечественного ТВ, по крайней мере той его ветви, что выходила из Литдрамы и «Экрана») были уже в зрелом зрительском возрасте не только рассмотрены до дыр, оценены как выдающиеся артистические создания, но и подвинули к серьезной мозговой работе. Роли артиста в «Плотниках рассказов» по Василию Белову и чеховской «Скучной истории» буквально заставляли оглянуться на собственную жизнь. Два старика - Олеша Смолин и Николай Степанович, человек из народной глуши, живущий в северной деревне 70-х годов XX века, и заслуженный профессор, живший на исходе прошлого века, итожившие при свете заходя-

щего солнца свой путь, зачем-то оказывались нужными людям гораздо моложе себя. Нужны именно в ту эпоху, что получит название застойной. Олеша Смолин не рефлексировал, ибо дело это интеллигентское, а он всего-навсего плотник, посему не мастер красноречиво говорить, все больше шуточки, прибауточки, бхутины вологодские. И все-таки, что бы сказал он, обладавший в избытке душевной добротой, качеством и неистребимым здравомыслием, перенеси его из того времени в сегодняшнее? Ведь это как если бы его вечный антагонист Авинер Козенков вдруг стал еще тогда делиться-множиться: сам - десять, сам - сто, сам - тысяча... А Смолин бы по-прежнему один в поле воином ходил.

Николай-то Степанович, тот всегда в силу своего положения человека кабинетного в одиночестве пребывал. И заставляли мы его тогда, когда ему остается жизни совсем немного, и главное, как говорит он сам, «мне остается только не испортить финала», «умереть по-человечески». Что же такое содержалось в этих монологах, произносимых артистом, что потрясало? Критик старше меня усматривал соль в том, как сыграл

Бабочкин последнюю любовь, которая «и блаженство, и безнадежность», а еще подчеркнул бесстрашие, с которым телегерой смотрит в свое далекое прошлое и короткое будущее. А для меня гораздо существеннее было позднее осознание героем Бабочкина той очевидности, что жизнь свою он прожил без «общей идеи», а коли нет ее, этой самой общей идеи, то и ничего больше не важно, ничего не надо.

Подобно камню, всколыхнувшему стоячую воду, это предупреждение доносилось до зрительских чувств и ума. Вопреки чеховскому названию актер в сущности показывал трагедию целой жизни, осознанную, когда солнце вот-вот зайдет и нет времени что-либо поправить. И самого Бабочкина удивило это телевизионное чудо, самая большая в его жизни роль, когда он один говорил на экране час пятнадцать минут.

Т. СЕРГЕЕВА

На снимке крупный план актера Бабочкина в «Скучной истории», лицо человека, вместе с героем ищущего смысл жизни, во что бы то ни стало желающего эту жизнь понять.

